

**В.С. Парсамов**

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА  
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ  
1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ\***

*Аннотация.* Статья посвящена процессу формирования «научной» экспертизы в области исторического знания в СССР как неотделимой части складывающейся большевистской идеологии. История, упраздненная в 1920-е годы как учебная дисциплина, имела служебную функцию – доказать закономерность победы социалистической революции в России, что явно противоречило представлениям Маркса на этот счет. На первых этапах за роль главного эксперта боролись два видных партийных лидера: Троцкий и Покровский. Победа Покровского стала следствием не его научных достижений, а развернувшейся кампании по дискредитации Троцкого. Следующий этап был направлен уже против Покровского и связан с решением Сталина открыть исторические факультеты и возобновить преподавание истории в школе. И хотя Сталин, в отличие от Троцкого и Покровского, открыто не претендовал на роль главного эксперта в области исторического знания, он сумел создать многоуровневую научную экспертизу, полностью подконтрольную своему влиянию.

*Ключевые слова:* идеология, история, большевики, Троцкий, Покровский, Сталин.

**Парсамов Вадим Суренович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: parsamovvs@gmail.com**

---

\* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

**V.S. Parsamov. Ideological Expertise and Historical Knowledge in Bolshevik Russia of 1920-ies – the First Half of 30-ies**

*Abstract. The article is devoted to the formation of «scientific» expertise in historical knowledge in the USSR as an integral part of the shaping Bolshevik ideology. History, abolished in 1920-ies as an academic discipline, served to prove the logical victory of the socialist revolution in Russia, which opposed Marx's vision. At first the two prominent party leaders – Trotsky and Pokrovsky – fought for the role of the chief expert. Pokrovsky's victory was not the result of his scientific achievements, but of the mass campaign to discredit Trotsky. The next step was made against Pokrovsky and closely connected with Stalin's decision to open historical faculties and teach history at schools. And though Stalin, unlike Trotsky and Pokrovsky, did not openly claim the role of the chief expert in historical knowledge, he created the multilevel scientific expertise, fully controlled by him.*

**Keywords:** ideology, history, the Bolsheviks, Trotsky, Pokrovsky, Stalin.

**Parsamov Vadim Surenovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief research fellow of the Institute of humanitarian historical and theoretical studies, named after A.V. Poletaev, Professor of the School of History of the National research University «Higher school of Economics».**  
E-mail: parsamovvs@gmail.com

**Спор Троцкого и Покровского  
об особенностях исторического развития России:  
Мнения историков**

Идеология советского государства, жестко противопоставляющая советскую и буржуазную науку, предполагала наличие собственной системы научной экспертизы. Наибольшее внимание большевистских лидеров вызывала история. Вопрос имел для них прежде всего практический характер: насколько соответствовала исторической закономерности в ее марксистском понимании Октябрьская революция? Поскольку революция была объявлена социалистической (пролетарской), а с точки зрения Маркса, как известно, Россия не входила в число европейских стран, на которые он распространял свою теорию, то, следовательно, и разговоры о возможности социалистической революции в России раньше, чем в европейских странах не соответствовали марксизму. Поэтому большевики вынуждены были возводить довольно сложные идеологические конструкции для камуфляжа этого несоответствия. Собственно говоря, здесь было два пути. Первый путь заключался в корректировке идей Маркса, что на первый взгляд соответствовало словам Ф. Энгельса, критиковавшего немецких социал-демократов, приехавших в Америку, за то, что «марксизм для них догма, а не руководство к действию» [15, с. 408]. Не случайно эту фразу любили повторять Ленин и Сталин. Второй

## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

путь заключался в конструировании русской истории как процесса, проходящего через те же общественные формации, что и западноевропейские страны. Такая конструкция позволяла распространять и на Россию учение Маркса о пролетарской революции.

До победы большевизма споры о соответствии русской истории марксистской схеме велись в основном на периферии исторической науки. После большевистского переворота, а точнее по окончании Гражданской войны, когда большевики почувствовали себя победителями, полемика о марксизме в исторической науке заняла центральное место. В 1922 г. Троцкий выпустил сборник своих статей «1905», написанных по поводу и во время Первой русской революции [37]. Причины, заставившие Троцкого переиздать под одной обложкой свои старые работы, лежат в политической плоскости и связаны с его несогласием с ленинской Новой экономической политикой [31]. Однако нас в данном случае интересуют не политические разногласия, а «экспертная оценка», данная исторической концепции книги ее критиком М.Н. Покровским.

Эта полемика уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Одним из первых еще при жизни Троцкого ее частично анализировал П.Н. Милоков, доказавший, что подлинно марксистской методологии у Покровского никогда не было, а за марксизм он пытался выдать широко распространенное среди историков его поколения увлечение «экономическим материализмом». Заимствуя у них, и, в частности, у самого Милокова, схемы, Покровский доводил их до карикатуры при помощи марксистской терминологии. При этом его историографическая зависимость от идей Милокова заставила последнего долгое время считать Покровского кадетом. Между тем Покровский делал быструю карьеру в большевистской партии и уже в 1917 г. был одним из ее лидеров. Однако, по мнению Милокова, Покровский так и не стал ни последовательным марксистом, ни крупным историком: «Троцкий обошел его, так сказать, с тыла. И спорить ему приходилось не столько с Троцким, сколько с Ключевским и... Милоковым» [16, с. 375]. Современный историк В.Ю. Соколов, стараясь быть объективными, отмечает правду обеих сторон и говорит «о наличии творческого, полезного для марксистской историографии диалога двух виднейших деятелей партии» [33, с. 41]. Его коллега А.А. Чернобаев, в свою очередь, считает, что «Покровский обнаружил основную брешь, сквозь которую буржуазная историческая мысль опасно влияла на марксистскую историографию». И в то же время «Троцкий отменил отсутствие во многих работах ученого подлинной диалектики, его склонность к модернизации истории, непонимание относительной самостоятельности государства в отношениях с господствующим классом, искусственность построения теории торгового капитала» [40, с. 177]. Не берусь судить ни о том, чем может быть полезен для историографии «диалог двух

виднейших деятелей партии», ни о том, кто из них какую брешь у кого обнаружил. Скажу лишь, что проблемы научной историографии далеко не в первую очередь интересовали как Троцкого, так и его оппонента. Спор между ними шел об иных вещах.

### **Книга Троцкого «1905» в оценке Покровского**

Полемика Покровского и Троцкого не может быть понята лишь в плоскости обсуждаемых в ней проблем. Самое бесперспективное – пытаться выяснять степень правоты каждого из участников дискуссии. Дело не в том, чья схема соответствует или не соответствует реальному историческому процессу. Скорее всего ни одна из них вообще с ним не соприкасается. И Троцкий, и Покровский решают другие задачи. Каждый из них стремится стать *главным экспертом* в вопросах марксизма, а в данном случае – марксистского понимания русской истории.

У нас нет оснований полагать, что в полемическом выступлении Покровского присутствует пласт политической интриги, связанный с наметившимися в 1922 г. разногласиями между Троцким и Лениным, хотя и исключать этого полностью также нельзя. Но даже если допустить, что в вопросах актуальной политики Покровский в 1922 г. был ближе к Ленину, чем к Троцкому, все равно это не снимает вопроса о его стремлении оставить за собой историографию как сферу, в которой он будет главным, если вообще не единственным экспертом. Не случайно (кстати, факт, отмечен самим Троцким), что в том же самом номере журнала «Красная новь» Покровский выступил не только против Троцкого, но и против Р.Ю. Виппера<sup>1</sup> [29, с. 33–36]. Если с Виппером, открыто стоящим на немарксистских позициях, разговор мог быть только сверху вниз и представлял интерес исключительно в перспективе дальнейших оргвыводов, то с Троцким ситуация была сложнее.

В 1922 г. Троцкий для всей партии – фигура, стоящая в одном ряду с Лениным. С его именем неразрывно связаны успех Петроградского восстания в октябре 1917 г. и победа в Гражданской войне. Поэтому Покровский не только резко ограничивает предмет открытой полемики, выводя за нее вопросы революции, но и начинает с прямого панегирика: «Книга великолепна как книга сама по себе. Она писалась по свежим следам событий и сохранила весь аромат нашей революционной весны» [24, с. 145]. Однако тему эстетических достоинств книги Покровский развивать не собирался. Он выступал не в роли критика, стремящегося выявить слабые и сильные стороны рецензируемой работы, а в роли эксперта, однозначно оценивающего ее «педагогическое значение».

---

1. О полемике Покровского и Виппера см.: [20, с. 209–226].

Необходимо учитывать, что в 1922 г. Троцкий, занимавший пост народного комиссара по военным и морским делам, неоднократно отклонял настойчивые предложения Ленина стать его первым заместителем по Совнаркому. Покровский же в это время занимал должность заместителя наркома просвещения, отвечающего за среднюю и высшую школу, а также стоял во главе Института Красной профессуры. Ленин требовал от него решительного насаждения марксизма в вузовском преподавании [28]. На основе марксизма Покровский составлял огромное количество учебных программ и к тому же был автором единственной полной истории России, написанной с марксистских позиций [26].

Правда, как уже отмечалось выше, для компетентного читателя «марксизм» этой книги был отнюдь не очевиден. Скорее в глаза бросалась его зависимость от схем Миллюкова. Некоторую неловкость по этому поводу испытывал и сам Покровский, что видно из его предисловия, написанного к четвертому изданию, вышедшему как раз в том же 1922 г. Отмечая стремительные изменения, которые уже произошли и еще произойдут со времени написания книги как в историографии, так и в идеологии, Покровский как бы извиняется, что эти изменения не учтены в новом издании: «Книгу следовало переиздать к 1930 году – но ее спрашивают теперь, в 1922, и нет другого курса русской истории, более марксистского, чем настоящий: как ни мало он удовлетворителен с точки зрения *теперешнего* (курсив Покровского) марксизма» [25, с. 3].

Что же так беспокоило Покровского в собственном тексте, писавшемся десять лет назад? Основным вопросом для большевистских лидеров был вопрос о возможности социалистической революции в России. До октябрьского переворота этот вопрос представлял в основном теоретический интерес и большинством решался отрицательно. Россия является отсталой страной, не прошедшей еще через стадию капиталистического развития, а поскольку социализм мыслился «основоположниками» как логическое завершение изживших себя капиталистических отношений, то и получалось, что в России социализма в ближайшее время ожидать не приходится. Но Россию начиная с 1905 г. сотрясали революции, и их исход нужно было предвидеть и как-то осмыслить, оставаясь при этом в рамках марксистской идеологии. Тут и пригодились слова Энгельса о том, что учение Маркса не догма, а руководство к действию.

Наиболее «подкованным» в этой области оказался Троцкий, который в период Первой русской революции придумал «закон комбинированного развития» России. Согласно этому «закону», в России культурная и техническая отсталость соседствует с передовыми достижениями европейской цивилизации. Отсутствие прочного экономического фундамента затрудняет формирование классов и заставляет государство, находящееся в окружении более

развитых передовых европейских стран, напрягать все силы страны, чтобы поддерживать на необходимом уровне обороноспособность. Поэтому история России имеет не поступательный, а скачкообразный характер, позволяющей ей идти к социализму, «перепрыгивая» через ступени формационного развития.

Увеличивая как извне за счет западных инвестиций, так и изнутри за счет чрезмерных поборов свое административное, финансовое и военное могущество, русский абсолютизм увеличивал одновременно и пропасть, отделяющую его от народных масс. Чем больше увеличивалась эта пропасть, тем мощнее должен был стать неминуемо приближающийся социальный взрыв. При этом если на Западе буржуазия и пролетариат долгое время выступали как союзники в борьбе против феодализма, и это затрудняет и отсрочивает неизбежную борьбу между ними, то в России такого союза не было ввиду слабости русской буржуазии и неразвитости русского пролетариата. Поэтому революция, начавшаяся в 1905 г. как демократическая, вполне способна и должна была, по мнению Троцкого, перерасти в социалистическую. Но победа социалистической революции в России не означает победы социализма. Сначала он должен победить в Европе, а потом уже будет трансплантирован в Россию. До октября 1917 г. в ближайшем ленинском окружении Троцкий был едва ли не единственным человеком, верящим в возможность социалистической революции в России. Своей большой удачей он считал то, что ему удалось убедить Ленина совершить переворот 25 октября. Но даже несмотря на захват власти и выигранную Гражданскую войну, он продолжал считать, что социализм в России невозможен раньше его победы в развитых европейских странах.

В 1921 г. Троцкий говорил о реальной угрозе реставрации капитализма. Однако большевистские лидеры, которые вчера еще твердили о невозможности победы социализма в России, теперь, после собственной победы, не верили и не хотели верить в невозможность построения социализма в отдельно взятой стране. И хотя этот вопрос еще не встал в повестку дня, и мировая революция всё еще ожидалась, борьба против Троцкого уже началась. Вряд ли, развязывая полемику в июне 1922 г., Покровский просчитывал все ее далеко идущие последствия вплоть до полного устранения Троцкого. Но он, безусловно, оценил появление его книги, точнее ее первой главы как вторжение в собственно вотчину. Это и заставило его выступить экспертом – в качестве главного марксиста в области историографии. При этом предметом экспертизы стала та часть, в которой Троцкий дает «схему русского исторического развития до начала революции» [25, с. 145]. К тому же Покровский, как уже отмечалось выше, чувствовал некоторую неловкость за свою «Историю», где доказывал, что Россия, идя в целом тем же путем, что и Западная Европа, отстает от нее в своем развитии примерно на 100 лет. Как в отсталой стране

могла произойти социалистическая революция? На этот основной вопрос «марксистская» «История» Покровского ответа не давала.

В этом отношении позиция Троцкого была более выигрышной. Полемизируя с двумя крайними точками зрения – представлением о самобытности русской истории и представлением о России как стране европейского типа («Наша революция убила нашу “самобытность”») [37, с. 7], он показывал, почему социалистическая революция началась именно в России. Если в Европе абсолютизм следовал за общественным развитием и являлся его отражением, то своеобразие России заключалось в том, что в ней абсолютизм развивался наперекор общественному развитию.

Схему Троцкий заимствовал у П.Н. Милокова, который в «Очерках по истории русской культуры» писал: «Дело в том, что у нас государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй. Этот тезис кажется на первый взгляд парадоксом; он как будто резко противоречит той очень распространенной теории, что политический строй всякого государства должен быть “надстройкой” над экономическим “фундаментом”. Мы, однако, нисколько не отрицаем зависимости политической надстройки от экономического фундамента; напротив мы предполагаем лишний раз иллюстрировать эту зависимость на примере России. Именно элементарное состояние экономического “фундамента” вызвало у нас в России гипертрофию государственной “надстройки” и обусловило сильное обратное воздействие этой надстройки на самый “фундамент”» [17, с. 133–134].

Ничего нового, собственно говоря, к этой концепции Троцкий не добавил. Но не мог же он, считая себя подлинным марксистом и большевиком, согласиться с кадетским историком-идеалистом. Поэтому он счел необходимым, хотя бы чисто внешне, отмежеваться от своего источника, назвав его идеи «страшным преувеличением» и «нарушением всяких перспектив» [17, с. 20–21]. Между тем, как отмечал в свое время марксист Д.Б. Рязанов, в Германии «Очерки» Милокова были восприняты как «марксистская история культуры России» и более того заимствованный Троцким тезис «вошел в новую социал-демократическую программу» [30, с. 527].

Разумеется, Покровский не мог не знать, что выступает против общепринятой в российской социал-демократии программы. Но, поскольку она все чаще подвергалась критике большевиков, то он, вероятно, не считал для себя обязательным придерживаться ее положений. К тому же это давало ему возможность зарезервировать за собой позицию главного большевистского эксперта в исторической науке. Поэтому не случайно свое опровержение Покровский начал с категорического неприятия этой идеи: «Схема эта, во-первых, не наша, а во-вторых, объективно не верна» [24, с. 145]. С точки зрения Покровского, русский абсолютизм выражал интересы торгового капитала.

При этом «если царские приближенные были акционерами, то сам царь годился в директора акционерной компании». Преимущественно военный характер русского царизма заключался, по Покровскому, не в отсталости страны, нуждающейся в защите от более развитых западных соседей, как считал Троцкий, «а в том, что это была новая страна, захваченная развитием торгового капитализма, и что ей приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укоренившихся конкурентов. Для этого русскому торговому капиталу пришлось сковать страну железной дисциплиной и выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие» [24, с. 151]. Из этого следует, что в России, как и в Западной Европе, буржуазия обладала реальной политической властью, и что пролетариат эту власть отнял у нее в 1917 г.

Таким образом, Покровский признает неверными основные тезисы исторической схемы Милокова–Троцкого. Он отрицает, что самодержавие в России развивалось на примитивной экономической основе, вопреки общественному развитию, и что русская буржуазия не имела политической власти.

#### **Ответ Троцкого**

Троцкий ответил на страницах «Правды» большой и обстоятельной статьей. Один из главных контраргументов заключался в том, что свою концепцию об особенностях исторического развития Троцкий обдумывал в тюрьме в 1905–1906 г. Иными словами, это было не кабинетным умствованием, а следованием за революционной действительностью, «стремлением обосновать и теоретически оправдать лозунг завоевания власти пролетариатом» [38]. Этот, безусловно, сильный аргумент позволил Троцкому сразу перейти в контрнаступление и вернуть Покровскому обвинения в немарксистизме и буржуазности, добавив к ним неспособность диалектически и вообще логически мыслить.

Характерно, что ни одна из спорящих сторон не обвиняет другую в незнании фактов. Оба «эксперта» настолько находятся во власти собственных схем, что совершенно не считают нужным соотносить их с исторической реальностью. Вместо этого оба манипулируют готовыми построениями, обильно сдабриваемыми цитатами из Маркса. Для Покровского вопрос решается так: если пролетариат в 1917 г. взял власть, а взять он ее мог только у буржуазии, то значит, русская буржуазия была у власти. Но Троцкого не переспоришь. По части словесной эквилибристики он был подлинным виртуозом. «Буржуазия не владела властью в целом, – объясняет он Покровскому, – а только приобшлась власти. Ходом событий, т.е. прежде всего военным разгромом и напором низов, щель между самодержавием и буржуазией разверзлась. Монархия в нее свалилась. Буржуазия попыталась встать



## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

у власти целиком и непосредственно (март 1917 г.). Но власть вырвал рабочий класс, опираясь на крестьянскую армию (октябрь 1917 г.). Таким образом, результатом нашего запоздалого исторического развития в условиях империалистического окружения явилось то, что наша буржуазия не успела стихнуть царизм до того, как пролетариат превратился в самостоятельную революционную силу» [38]. Таким образом, вопрос о том, была ли буржуазия у власти или не была, решается не фактами, и даже не формальной логикой, а словесными выкрутасами, но еще в большей степени авторитетом самого «эксперта».

Другое дело вопрос об отсталости России. Факт настолько очевидный и подтверждаемый таким количеством примеров, что отрицать его огоульно было бы сложно. И хотя ни для Покровского, ни для Троцкого не существовало фактов, которые нельзя было бы обойти, замолчать или исказить, здесь ситуация определялась безусловным и однозначным взглядом Маркса на Россию как отсталую страну восточного деспотизма, представляющую собой реальную угрозу для европейской цивилизации<sup>2</sup> [14]. Более того, Маркс специальным письмом в редакцию журнала «Отечественные записки» пытался предостеречь русских коллег от чрезмерно широкого понимания его теории и отчасти солидаризировался с Чернышевским в вопросе о возможностях общинного развития России и его критикой капиталистических отношений [14].

Вряд ли можно сомневаться в том, что Троцкий и Покровский были знакомы с марксовской оценкой России как «дикой», «азиатской» и «деспотической» страны. Вся концепция Покровского в отношении внешней политики России как грабительской и агрессивной, почти полностью построена на цитируемой работе Маркса, да и «диагноз», поставленный Троцким русскому самодержавию как полуазиатскому виду правления, также изрядно отдает «марксизмом»<sup>3</sup>. При чем же здесь социалистическая революция, характерная для зрелых форм капитализма? Разумеется ни при чем. Социалистической революции в ее марксистском понимании в России не произошло и произойти не могло. Сложность заключалась в том, чтобы выдать за нее большевистский переворот. И в этом Троцкий и Покровский были естественными союзниками. Спор фактически шел о том, чья фальсификация окажется лучшей, или, точнее, чья ляжет в основу официальной идеологии.

Оба они сходились в том, что Россия развивалась под сильным влиянием Запада. Оба они не могли не видеть, что Россия сильно отставала от Запада

---

2. Разбор этой работы с критическими замечаниями был сделан еще в 1908 г. Д.Б. Рязановым [30, с. 485–640].

3. «...царизм является промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом, – быть может, более близкой к последнему» [37, с. 21].

на путях капиталистического развития. Покровский, прямо противореча самому себе и не сводя концы с концами, утверждал, что Россия хотя и отставала на 100 лет, но ее развитие шло опережающими темпами, поэтому в ней раньше и произошла революция. Исходя из этого путаного тезиса, он пытался доказать развитость торгового капитализма в России широким размахом русской торговли уже XVI в. Троцкий вполне резонно утверждал, что опережающее развитие «объясняется именно чрезвычайной примитивностью и отсталостью русского хозяйства» [38]. Экономическая отсталость России усугубляется еще и тем, что ее рабочие и крестьяне, по мнению Троцкого, находятся под двойным гнетом. Во-первых, под гнетом собственных капиталистов и помещиков, а во-вторых, под гнетом европейского капитала, который давит на российскую экономику и тем самым удваивает гнет ее собственных привилегированных классов. «Отсюда, появление у нас новейшей капиталистической промышленности в окружении хозяйственной первобытности: бельгийский или американский завод, а вокруг – поселки, соломенные и деревянные деревни, ежегодно выгорающие и проч. Самые примитивные начала и последние европейские концы. Отсюда – огромная роль западно-европейского капитала в русском хозяйстве. Отсюда – политическая слабость русской буржуазии. Отсюда легкость, с какой мы справились с русской буржуазией. Отсюда – дальнейшие затруднения, когда в дело вмешалась европейская буржуазия...» [39]. Анафорические конструкции этого пассажа, усиливающие антиномию, призванную выразить противоречия русской истории, должны также подвести читателя к главной мысли Троцкого: социалистическая революция в России победила, а социализм не победил и победить при сохраняющихся буржуазных режимах на Западе не может.

### **Продолжение спора**

В своем ответе на ответ Троцкого Покровский привел вышеприведенную цитату Троцкого, с изъятием из нее последней фразы о «затруднениях». Таким образом, тезис о легкости победы «социалистической революции» был лишен своего антитезиса, ставившего под сомнение успех социалистического строительства в России. Под всем же остальным Покровский, по его собственным словам, «подписывался обеими руками». Он даже признал, что «Запад XVI в., в образе голландского и английского капитала, “тащил на буксире” тогдашнюю Россию». Правда, и здесь сделал оговорку: «Только ведь нужно было, чтобы было, что тащить – буксир-то тянет баржу, а не пустое место» [27]. Формально соглашаясь с рядом положений Троцкого, Покровский не упускает главного – утвердить за собой роль эксперта в области марксизма. Снисходительно и «компетентно» он констатирует: «Признав, что давление Запада на Россию было в первую голову давлением экономическим,

тов. Троцкий сделал уже большой шаг в направлении к материалистическому объяснению русской истории, далеко уйдя вперед от Плеханова» [27].

Но и соглашаться полностью с Троцким Покровский не спешил. В качестве главного аргумента он привлекает цитаты из «Капитала» Маркса о первоначальном накоплении в развитых европейских странах. При этом хорошо известный ему факт, что Маркс вовсе не имел в виду Россию, Покровский пытается обойти при помощи «остроумной» подмены социологии биологией: «“Колониальная система” была приложима только в странах с жарким климатом и цветнокожим населением, или ее можно мыслить и в обстановке сибирской тайги, либо северно-русского болота? Необходимо ли для этого, чтобы по степям бегали страусы, по лесам бродили носороги или достаточно лисицы, соболя и горностая» [27].

Если Покровский стремится к примирению позиций и снисходительно готов признать, что «т. Троцкий стоит почти целиком на нашей, т.е. общемарксистской позиции» [27], то Троцкий отнюдь не собирался складывать оружие. Он с еще большей настойчивостью приписывает Покровскому отрицание экономической отсталости России (хотя Покровский примиренчески готов, хоть и с оговорками, ее признать), и еще больше усиливает свой тезис о примитивности экономического базиса, на котором строилась российская государственность. Poleмика пошла по новому кругу. Покровский опять утверждает, что полемические стрелы Троцкого летят не в его сторону и опять приписывает Троцкому «внеклассовую схему» русского абсолютизма. Желая оставить за собой последнее слово и назвав свою статью выразительным «Кончаю...», Покровский «кончает» весьма грозно: «Я вполне готов “на этом кончить”, что касается нашей газетной полемики, по крайней мере. Но не зарекаюсь когда-нибудь не в виде газетного фельетона, а в более “тяжелой” форме объяснить интересующимся, как возникла та “внеклассовая” схема, которая сыграла в исторической экскурсии тов. Троцкого роль расчетов Тосканелли» [27].

Итак, каждый участник полемики остался не только при своем мнении, но при своем желании быть единственным экспертом в области марксистского понимания истории. Покровский, видимо, полагал, что поле битвы осталось за ним. Но Троцкий, не желая идти по третьему кругу в перетирании одного и того же, поступил более рационально. Свой развернутый ответ Покровскому от 1 июля он включил в качестве приложения к своей книге «1905», в том же году выпустил ее вторым изданием, и далее она стала переиздаваться с ежегодной регулярностью вплоть до 1926 г.

### **Покровский ставит точку**

Но и Покровский не собирался складывать оружие и в 1925 г., в самом начале новой кампании по травле Троцкого, организованной Сталиным, он, как и обещал, сумел объяснить «в более “тяжелой” форме» истоки и причины троцкизма. Его статья «Троцкизм и “особенности исторического развития России”», впервые опубликованная в третьем номере «Коммунистического интернационала» за 1925 г., представляет собой откровенный политический донос: «Теория русского исторического процесса у т. Троцкого отнюдь не случайна, но была им выработана как одно из орудий в его борьбе с ленинизмом» [29а, с. 41]. Начавшийся как псевдонаучный спор закончился как политическое изобличение.

### **Сталин против Покровского**

Покровский мог торжествовать. Кажется, репутация главного эксперта в области марксистского понимания истории осталась за ним. Но не все было так гладко. В 1926 г. вышло очередное издание книги Троцкого «1905» все с тем же ответом Покровскому. Для читателя, следящего за полемикой двух большевистских лидеров, это означало, что Троцкий не собирается «разоружаться» и признавать правоту своего оппонента. Правда, его авторитет в 1926 г. был уже далеко не тот, что в 1922 г. Уже в следующем 1927 г. он будет снят со всех постов и исключен из партии.

Карьера же Покровского, казалось бы, шла стремительно в гору. В 1928 г. его 60-летний юбилей был превращен в подлинный триумф историка-марксиста. И тем не менее уже были запущены механизмы, которые в итоге приведут к посмертному краху Покровского и его «школы». В 1925 г. Сталин в одном из своих писем завел речь о кадровом обновлении в высших партийных кругах и, в частности, как бы обмолвился: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых “вождей” тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т.д., – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли» [34, т. 7, с. 43]. Из этого списка только А.В. Луначарский, М.Н. Покровский и А.А. Богданов были на первых ролях в большевистской партии и по-прежнему играли эти роли в 1925 г. Но для Сталина они уже «списаны», и важно отметить, что еще ничего не подозревающий Покровский – среди них.

То что это была не случайная обмолвка, видно из другого письма Сталина от 7 марта, являющегося ответом двум слушателям Института Красной профессуры Цветкову и Алыпову. Эти «товарищи» обратились к Сталину

с рядом вопросов о происхождении самодержавия в России [текст письма см.: 18, с. 242]. Поскольку это письмо неоднократно анализировалось в современной литературе [18, с. 242; 36, с. 374–375; 5, с. 294–297; 44, с. 47–54], остановимся лишь на некоторых интересующих нас моментах, которым не уделялось должного внимания. Два слушателя первого курса при подготовке к семинару по происхождению русского самодержавия пользовались, как видно из их письма, помимо «Истории» С.М. Соловьева, докладом Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», прочитанным на X съезде РКП (б) 10 марта 1921 г., книгой Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», материалами его полемики с Троцким 1922 г., а также письмом Ленина к Покровскому, в котором Ильич высоко оценил книгу марксистского историка<sup>4</sup>.

Как следует из письма Цветкова и Альпова, их не интересует момент научного поиска. Истину они ищут не в источниках и трудах профессиональных историков, а у большевистских вождей. Студентов смутило высказывание Сталина, относящееся к Венгрии, Австрии и России: «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» [34, т. 5, с. 34]. В этой фразе Цветков и Альпов усмотрели совпадение с мыслью Троцкого о том, что необходимость внешней обороны придавала ускоренные темпы государственному развитию России, опережающие ее экономические и социальные возможности. В общем совпадение это действительно было, и оно было не случайно. Как уже отмечалось, именно такая трактовка образования русского государства была заложена в программу российской социал-демократии. Но именно с этой точкой зрения спорил Покровский, и, как полагают студенты, с ним был согласен Ленин. Но Покровский выступал и выступает против Троцкого, и Сталин уже совершенно открыто в 1927 г. выступал против Троцкого, но при этом совпадал с ним в таком важном вопросе. При этом партийный авторитет Сталина рос так же стремительно, как падал авторитет Троцкого. Поэтому студенты и обратились к Сталину как к главному эксперту. Будущие «красные профессора» уже с первого курса хорошо усвоили, что вопросы историографии решаются не в научных дискуссиях, а в «экспертных заключениях» партийных руководителей.

Единственное, чего они не учли, это то, что для самих партийных руководителей в области идеологии не было ничего определенного и постоянно-го. Значение имело не то, как формулируется та или иная идея, или как она

---

4. Об этом письме см. ниже.

соотносится с действительностью, а то, кто ее формулирует. Троцкизм в 1927 г. уже расценивался Сталиным как тяжкий грех, а в самом ближайшем будущем он будет считаться преступлением. Между тем в письме Цветкова и Альпова весьма недвусмысленно проступало противопоставление: Ленин и Покровский против Троцкого и Сталина. Отсюда понятно то раздражение, с которым Сталин отвечал своим корреспондентам. Пренебрегши традиционным обращением «Товарищи!», он начал сразу и резко: «Ваш запрос от 1. III. 1927 г. считаю недоразумением». Далее Сталин разъяснил учащейся молодежи, что он вообще не касался вопроса о происхождении русского самодержавия, и троцкистскую мысль об образовании государства «не в результате экономического развития, а в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока» переадресовал своим корреспондентам: «За это противопоставление должны отвечать вы, а не я» [34, т. 9, с. 176]. Тем не менее Сталину пришлось высказаться по главному вопросу, интересующему авторов письма: кто прав Троцкий или Покровский? Ответ был таков: «Теорию т. Троцкого я не разделяю в корне, а теорию т. Покровского считаю в основном правильной, хотя и не лишенной крайностей и перегибов в сторону упрощенного экономического объяснения образования самодержавия» [18, с. 243].

Историки по-разному интерпретируют этот пассаж Сталина, точнее ту его часть, которая относится к Покровскому. Первый публикатор этого отрывка и письма студентов М.В. Нечкина видела в этом доказательство того, что Сталин «не всегда был против Покровского» [18, с. 242]. По мнению А.Л. Юрганова, «в отношении концепции М.Н. Покровского Сталин высказался благожелательно, но сдержанно» [44, с. 53]. Более точно суть высказывания Сталина пояснил Р. Тагер: «...значимость Покровского как теоретика истории, его весомость как политической фигуры, равно как и его услуги в антитроцкистской кампании, не позволяли Сталину из политических соображений отвергнуть позицию Покровского. И поэтому тем более важен тот факт, что единственное сколько-нибудь существенное критическое замечание Сталина было направлено против Покровского, а не Троцкого; более того, эта критика была такого рода, с которой охотно и всецело согласился бы и сам Троцкий» [36, с. 374].

Однако суть не только в том, что Сталин втайне был солидарен с Троцким, а не с Покровским. При желании он легко мог встать на сторону Покровского, а потом так же легко занять другую, прямо противоположную позицию, благо большевистские схемы представляли удобный материал для идеологических игр. Сталину важно было уже сейчас, в 1927 г., лишить Покровского пусть пока неофициально и непублично, но зато в глазах его учеников права на высшую идеологическую экспертизу в вопросах истории. Сам же Сталин пока выступил скорее в роли третьей стороны, а не эксперта. Он как бы встал над схваткой, оставив студентов в недоумении, на чьей

же стороне истина. Звонок уже прозвенел, но Покровский его не расслышал. О том, как Сталин вел борьбу против школы Покровского, существует огромная литература [45; 46; 43; 42; 16; 40; 21; 22; 10; 1; 11; 2; 8], что избавляет нас от необходимости изложения фактической стороны дела и позволит сосредоточиться на вопросах научной экспертизы.

### **Поворот к истории**

С именем Покровского, как известно, связаны ликвидация историко-филологических факультетов и изъятие истории из школьного преподавания. История оказалась на уровне вспомогательной дисциплины при общественном знании и использовалась в основном для обоснования закономерного характера смены исторических формаций и неизбежности социализма. Экспертом в исторических вопросах должен был выступать не практикующий историк, а историк-марксист или даже просто марксист. При этом статус такого «эксперта» напрямую определялся его биографией: он должен был играть заметную роль в исторических событиях, приведших к победе октябрьского переворота. Таким образом, авторитетность экспертизы, с одной стороны, зависела от властных полномочий «эксперта», а с другой – сама давала власть применяющему ее лицу. В любом случае в роли главного «эксперта» должна была выступать авторитетная и хорошо узнаваемая личность.

В начале 1930-х годов ситуация начала кардинальным образом меняться. Сталину не нужно было доказывать неизбежность и закономерность победы социализма в СССР. Ему не нужны были авторитетные эксперты, особенно в той области, в которой его собственные знания были ограничены. Под конец жизни Покровский столкнулся с тем, что его схема стала публично подвергаться критическим оценкам. Причем спорил с ним уже не Троцкий, а люди с менее яркой биографией и более скромными интеллектуальными возможностями. И что интересно, Покровский уже не отвечает им в том высокомерном и учительском тоне, каким он мог позволить себе отвечать Троцкому. Более того, он начинает признавать ошибки и каяться. «Совершенно ясно, – писал он в 1931 г., – что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения моей концепции звучали весьма не по-ленински, а иногда были попросту теоретически малограмотны» [23]. И все-таки Покровский не терял надежды и собирался при помощи новой («окончательной») схемы поправить собственное положение, хотя и предчувствовал, что его снова могут обвинить в ошибках. «Свободна ли эта окончательная схема от ошибок? Никак не могу обещать...»

Задача, которую решали Троцкий и Покровский, в общем, понятна: придумать такую схему, которая могла бы примирить марксизм с русской историей. Для этого нужно было не только не считаться с историческими фактами,

но и искажать по мере необходимости сам марксизм. Все это было настолько очевидно, что обвинения в схематизации истории и искажении учения Маркса, выдвинутые против Покровского, не могут и сейчас вызвать сомнений. Однако результаты этих обвинений выглядят, по меньшей мере, сомнительно.

### **Формирование экспертной системы в советской историографии 1930-х годов**

Разгром Покровского не дал и не мог дать ничего позитивного в плане развития исторической науки, поскольку велся не ради нее, а был подчинен новой задаче – укреплению личной диктатуры Сталина. В научной сфере формирующийся культ означал введение некоей универсальной науки, к которой должны были сводиться все реально существующие научные дисциплины. В 1939 г. Сталин сформулировал этот принцип так: «Есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, – это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма» [34, т. 14, с. 328].

Соответственно и эксперт должен не только обладать знаниями в своей профессиональной сфере, но еще быть «ленинцем». При этом, что значит быть «ленинцем», намеренно не пояснялось. Но уже к моменту этого выступления Сталина всем было ясно, что только он один является единственным и верным «ленинцем», в руках которого находятся «экспертные» ключи от всех отраслей знаний. Однако важно не констатировать в очередной раз эту простую истину, а понять, как это произошло.

В год смерти Покровского решением ЦК ВКП (б) «Наркомпрос впервые ввел в учебные занятия средней школы систематический курс истории» [9, с. 30]. Первая проблема, возникшая в связи с этим, – отсутствие программ и учебников. Вспомнили, что еще в 1920 г. Ленин высоко оценил только что вышедшую книгу Покровского «Русская история в самом сжатом очерке»: «Очень поздравляю Вас с успехом, – писал Ленин, – чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: “Русская история в самом сжатом очерке”. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки». Правда, далее шло «одно маленькое замечание»: «Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем. Поясню свою мысль: примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги. Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхо-



## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

глядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую» [12, т. 45, с. 24].

Письмо было впервые опубликовано в четвертом номере журнала «Архивное дело» за 1928 г. На праздновании 60-летнего юбилея Покровского в Центральном архиве оно было вслух зачитано Адоратским. Сам же юбиляр в ответной речи «скромно» прокомментировал это письмо: «Т. Ленин тепло отнесся к “сжатому очерку” потому что он там нашел развитие своих идей, научно обоснованных». Речь шла о центральной идее книги Покровского – возникновении Московского государства на основе торгового капитала [13, с. 73]. Отрывок из этого письма был процитирован в составленном наркомом Просвещения РСФСР А.С. Бубновым проекте постановления о преподавании всеобщей и русской истории в средней школе от 14 марта 1934 г. [9, с. 30–34]. Книга сразу же была переиздана, а руководителем авторского коллектива учебника по истории СССР был назначен ученик Покровского Н.Н. Ванаг. Несмотря на молодость (ему тогда было 33 года), Ванаг уже успел побывать к этому времени и троцкистом, и поклонником Покровского, успел покаяться в своих «идеологических ошибках» и осудить своих вчерашних единомышленников [3, с. 95–102; 4, с. 36].

В марте 1934 г. в Кремле состоялась встреча Сталина с историками, на которой зашла речь об учебниках. Поднявшись на трибуну с учебником [7] в руках, Сталин сказал: «Меня попросил сын объяснить, что написано в этой книге. Я посмотрел и тоже ничего не понял» [6, с. 97]. Характерно, что Сталин не спорит по существу. Он как бы оставляет за специалистами содержательную сторону. Но он, как и Покровский, апеллирующий к студенчеству, которое, якобы обеспокоено ложными идеями Троцкого, вводит целевую аудиторию – «сына» – и отводит себе роль арбитра, встающего на сторону целевой аудитории. Вместе с тем это подается не как истина в последней инстанции, а всего лишь как мнение частного лица, не понявшего, как и его сын, о чем идет речь в учебнике.

Истиной в последней инстанции мог быть только Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП (б). Любая полемика с этими органами изначально считалась недопустимой. В постановлении этих «авторитетных» инстанций от 15 мая 1934 г. говорилось о том, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме и изложения важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом,

связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»<sup>5</sup> [9, с. 45–46].

Пока еще речь не шла о «школе» Покровского. Вместо нее козлом отпущения сделали раскритикованный Сталиным учебник А.И. Гуковского и О.В. Трахтенберга. В журнале «Борьба классов», издаваемом ЦК ВКП (б), появилась разгромная рецензия, написанная «бригадой истории» Института Красной профессуры С. Сергеевым, Е. Косминским, О. Липатовой и И. Суховым. Авторы, следуя почти текстуально Постановлению от 15 мая 1934 г., назвали учебник «скучным, сухим и бесцветным». Учебник действительно открывал большие возможности для критических замечаний, но всё дело в том, что сами эти замечания были продиктованы именно сталинским выступлением и постановлениями партии и правительства. Поэтому ключевыми словами становятся «неясности, неточности, противоречия», «нельзя ничего разобрать», «покрыто мраком неизвестности», «совсем не объясненным» и т.д. Учебнику в целом присущи «вялое и тягучее социологизирование», «методологическая путаница», «совершенная беззаботность в отношении исторических фактов», «нечеткость и беспорядочность мысли и изложения», «стилистическая неряшливость» [32, с. 116] и т.д. Оценки эти вполне справедливы, но продиктованы они не результатами объективной экспертизы, а руководящим действием партийных документов. Это особенно видно там, где эксперты дают рекомендации авторам. Например, «конкретно исторические факты» должны иллюстрировать «ленинское положение, что крепостничество в России известно со времени “Русской правды”» [32, с. 117]. Или же при описании крестьянских восстаний «необходимо было подчеркнуть важнейшее замечание товарища Сталина, исключительно ярко характеризующее идеологию вождей крестьянских восстаний» [32, с. 119].

Возвращение истории в школу и вузы началось не с позитивных предложений о том, как и на основе чего строить преподавание, а с ревизии в первую очередь «марксистских» работ историков предшествующего десятилетия. Но при этом сам «марксизм» с прибавившимся к нему «ленинизмом» оставался, разумеется, безгрешным и неприкасаемым. Поэтому «разнос» учебника второстепенных авторов, работающих в русле идей Покровского, вполне мог восприниматься как частный и неудачный случай, к самому Покровскому не имеющий отношения. Постановление от 15 мая 1934 г. называло два главных «греха» преподавания истории: отсутствие занимательной формы и схематизм. Сам Покровский с его «Сжатым очерком», конечно, мог быть обвинен в схематизме, но не в отсутствии занимательности. И хотя он подвергался в конце жизни спорадической критике, еще ничего не пред-

---

*5. Этим же Постановлением было решено открыть с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах.*

## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

вешало полного разгрома его трудов и его «школы». В 1934 г. его работы могли взять и в качестве образца, и в качестве примера искажения исторического процесса. Поэтому Н.Н. Ванаг, которому поручено было возглавить авторский коллектив, с одной стороны, вполне адекватно расценил всю эту ситуацию и заговорил о необходимости «перестройки всего нашего исторического сознания», а также о том, что историки должны пройти «курсы ликвидации их недостаточной квалификации» [3, с. 104]. Но, с другой стороны, он вряд ли считал главным объектом критики именно Покровского. На всякий случай счел возможным сохранить некоторые приемы своего учителя в «новом» подходе к истории.

В июле 1934 г. конспект нового учебника поступил на рассмотрение Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова. Именно они стали первыми экспертами «нового» осмысления истории. Ни один из них не был ни профессиональным историком, ни теоретиком марксизма, но их мнение, точнее мнение Сталина, руководившего всем процессом, было обязательным для исполнения. Следует обратить внимание на то, что если Троцкий и Покровский мерялись своими личными авторитетами и заслугами в сфере применения марксизма к истории, то теперь ситуация была иной. Сталин не пытался широко демонстрировать собственное понимание марксизма и уже тем более он не мог опираться на собственные наработки в этой сфере. Высший авторитет переходил с личности на полностью подконтрольный ему партийно-бюрократический аппарат. Этим давалось понять, что даже самая выдающаяся личность может ошибаться, а обезличенная партия – никогда. Именно такая партия стала вырабатывать неоспоримые критерии для экспертной оценки любого профессионального труда.

За полтора года после публикации майского Постановления 1934 г. ситуация мало изменилась. Авторы раскритикованного учебника А.И. Гукровский и О.В. Трахтенберг, чьи имена не назывались ни в сталинском выступлении по их учебнику, ни в Постановлении от 15 мая 1934 г., никак не тянули на солидного врага, чья методология должна быть полностью уничтожена. Оба они были включены в комиссию по написанию новых учебников. Поэтому историки не очень представляли, куда дует ветер. Нужен был конкретный и зримый враг, в близости к которому могли быть обвинены все «красные профессора». Такой фигурой мог стать только покойный Покровский.

В январе 1936 г. было издано новое Постановление Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании истории в школе и одновременно появились в печати «Замечания» Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника Ванага. В новом постановлении осуждалось уже не плохое преподавание истории вообще, а непосредственно «школа» Покровского. Имя Покровского стало удобным символом для обозначения всего того плохого, что было в преподавании истории и с чем теперь активно боролась партия и изживали сами

историки. И речь теперь уже шла не об отсутствии занимательности и схематизме, а о прямом вредительстве, проявившемся в «попытке ликвидации истории как науки» [35].

В замечаниях на конспект учебника Ванаса имя Покровского не называлось, но, как показала в свое время М.В. Нечкина, критиковались в основном те места, где чувствовалось влияние Покровского [18, с. 240]. «Эксперты», ознакомившись с конспектом учебника Ванаса, пришли к выводу, что «группа Ванаса не выполнила задания и даже не поняла самого задания». Авторы обвинили в том, что они написали «конспект русской истории, а не истории СССР (подчеркнуто в оригинале. – В. П.), т.е. истории России, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». В 1920-е годы термин «история СССР» не использовался. Покровский и его школа, продолжая дореволюционную традицию, писали историю России. Видимо, Сталин, считавшийся среди большевиков специалистом по национальному вопросу, стремился придать русской истории национально окрашенный характер. Из этого вытекало и более частное замечание – «немотивированным остается создание Союза ССР» [18, с. 122].

Остальные замечания сводились к тому, что авторы недооценивают «контрреволюционную роль русского царизма во внешней политике», не различают понятия «реакция» и «контрреволюция», «революция вообще», «революция буржуазная» и «революция буржуазно-демократическая». И в то же время авторов упрекали в использовании «затасканных, трафаретных определений» вроде «полицейский террор Николая I», «разинщина», «пугачевщина», «наступление помещичьей контрреволюции в 70-х годах XIX столетия», «первые шаги промышленного переворота», «первые шаги царизма и буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг.» и т.д. В заключении Сталин и его «соавторы» выдвинули требование: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история великороссии не отрывалась от истории других народов СССР – это, во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории – это, во-вторых» [18, с. 122].

Итак, по мнению экспертов, группа Ванаса не справилась и даже не поняла стоящей перед ней задачи. Но самое интересное заключается, пожалуй, в том, что экспертное заключение было оформлено и представлено на страницах центрального органа партии как самостоятельный текст. Читатель не имел возможности познакомиться с самим конспектом учебника и самостоятельно оценить его научный и педагогический уровень, а авторы были лишены возможности публично ответить своим экспертам. Если в 1922 г. газета «Правда» предоставляла место для полемики двум ярким интерпретаторам марксизма применительно к русской истории и предоставляла читателю самостоятельно судить о степени правоты каждого из них, то теперь ситуация

## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

изменилась. «Экспертная» оценка центрального органа партии, подписанная лично Сталиным, не предполагала не только какого-либо ответа, но даже знакомства с тем, что оценивалось. Более того, эта «экспертиза» становилась директивой для всех авторов учебников, а также для всех экспертов, оценивающих эти учебники.

Такое положение не было, разумеется, случайным. Для того чтобы оставить за собой монополию на «истину в последней инстанции», необходимо было лишить возможности претендовать на эту монополию кого бы то ни было. Но единственный «самый главный эксперт» не мог физически читать всё подряд. Эта проблема решалась путем выстраивания обезличенной многоуровневой экспертизы. При этом каждый ее уровень не может считаться окончательным.

Коллектив Ванага был не единственным коллективом, работающим над учебниками. К 1936 г. было закончено несколько проектов, и для их рассмотрения была создана комиссия под председательством А.А. Жданова. Эта комиссия должна была объявить конкурс на написание учебника по истории и сформировать экспертную группу для чтения поступающих на конкурс рукописей. Кроме того, предполагалось, что отобранные комиссией учебники пройдут еще одну экспертизу на уровне школьных учителей, которые должны были высказать не только *свое* мнение, но и протестировать учебники на учащихся различных способностей. К участию в конкурсе допускались «все желающие без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т.д.)». Были установлены огромные размеры премий: за первое место – 100 тыс. руб., за второе – 75 тыс., за третье – 50 тыс., за четвертое – 25 тыс. руб.<sup>6</sup> [19].

Среди экспертов были не только партийные деятели и школьные учителя, но и профессиональные историки, в том числе и выдающиеся, например, С.Б. Веселовский и Е.В. Тарле. Историографическим фоном для написания учебников стала развернувшаяся кампания по разгрому «школы» Покровского. Казалось бы, всё складывалось как нельзя лучше: открытый для всех конкурс, широкая сеть экспертизы, вместо вульгарных схем, насаждавшихся Покровским, призыв насытить историю фактами и сделать ее, как призывал Н.И. Бухарин, «красочной как сама жизнь». И между тем на «выходе», оказался убогий учебник А.В. Шестакова «Краткий курс истории СССР» [анализ этого учебника см.: 16, с. 381–387] и примерно аналогичные учебники по зарубежной истории. Правда, первую премию Шестаков не получил (ее не

---

6. Для сравнений: средний заработок работника вуза в 1936 г. составлял 338 руб.: [41, с. 10].

получил никто), ему присудили вторую, но его учебник на долгие годы стал единственным в своей возрастной группе школьным учебником в СССР.

Почему же несмотря на всенародный конкурс, многоуровненную экспертизу, строгий отбор и т.д., не было создано действительно яркого, свободного от схем и трафаретов школьного учебника? Самый простой и очевидный ответ на этот вопрос заключается в политическом режиме, сложившемся в 30-е годы в стране. Однако это общее положение как бы объясняет всё и в то же время мало что проясняет в конкретной ситуации.

Сталин вовсе не собирался освобождать историю от схематичности и превращать ее написание в свободный и творческий процесс. Более того, он, скорее всего, не имел ничего против «схем» Троцкого или Покровского. Ему принципиально важно было, чтобы эти «схемы» не связывались с конкретными именами и не придавали авторитетности их авторам. Если Сталин сам лично не создавал историографических схем, непосредственно связанных с его именем, то это не потому, что ему не хватало образования. Он занимал принципиально иную позицию. Ни Троцкий, ни Покровский не пытались управлять историографическим процессом, они претендовали на то, чтобы создавать его собственными руками. Покровский устранял «буржуазных» историков, как устраняют конкурентов, чтобы расчистить для себя место. Точно так же поступал Троцкий, видевший в Покровском своего конкурента. Сталин же в принципе не хотел иметь дело с конкурентами. Он предпочитал быть арбитром, а не игроком. Он как бы открывал перед всеми равные возможности: любой человек мог стать автором учебника, любой учитель или даже ученик мог стать экспертом и т.д. Но всё заключалось в том, что никто – ни один автор, ни один эксперт – не знал, по каким правилам нужно «играть». Со «школой» Покровского боролась сама его «школа». Шестаков, выпускник Института Красной профессуры был учеником Покровского, славословил его, а потом поливал грязью. Но было бы ошибочным делать из этого вывод, что ценой предательства он «купил» победу в конкурсе учебников и звание члена-корреспондента АН СССР. Его коллега Ванаг тоже был учеником Покровского и тоже предал его, тоже писал учебник и был... расстрелян в 1937 г. Совершенно очевидно, что на месте Шестакова мог оказаться Ванаг и наоборот. Мы никогда не сможем понять, почему учебник Ванага не понравился Сталину, а учебник Шестакова понравился. Этого не могли понять и их «эксперты», готовые любой из этих учебников признать единственно правильным и любой отвергнуть.

Такое положение порождало полную растерянность и страх, усиливающийся еще репрессиями. После того как учебник Шестакова был принят правительственной комиссией, почти вся она, за исключением Жданова и Быстринского, была расстреляна. Погибли и многие историки как «школы» Покровского, так и те, кто не имел к ней отношения. Уцелевшие случайным

## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

образом ученые при всем желании руководствоваться любыми схемами, цитатами и т.д. вынуждены были каждый раз угадывать мнение вождя.

Подведем итоги. Советская экспертиза в области исторической науки в 1920–1930 гг. прошла ряд этапов. С самого начала она должна была носить подчеркнуто идеологический, а не узкопрофессиональный характер. Поскольку история была упразднена как самостоятельная научная дисциплина и преподавалась как часть обществознания, то и требования к ней предъявлялись вполне определенные: исторически доказать закономерность победы социалистической революции в России вопреки совершенно определенному мнению Маркса на этот счет. Иными словами, нужно было марксизм увязать с русской историей. В роли главного эксперта здесь должен был выступать человек, имеющий, с одной стороны, прочную репутацию «марксиста», а с другой – опыт практического участия в октябрьском перевороте. Лучшее всего на эту роль подходил Ленин, но его больше занимали вопросы практической политики. Поэтому теоретический спор за экспертное лидерство развился между Троцким, вторым после Ленина политиком, и Покровским, первым «марксистским» историком.

Поскольку спор велся в условиях острой политической борьбы, направленной на политическое уничтожение Троцкого, то победа осталась за Покровским. Между тем реальным победителем оказался Сталин. Но Сталин не собирался вести «научную полемику» с Покровским, и дело было не в том, что он мог бы ее проиграть. К началу 30-х годов у него уже было достаточно властных ресурсов, чтобы обеспечить себе «победу» в любом теоретическом споре. Сталин ставил более глобальную задачу – восстановить историю в ее правах, вернуть исторические дисциплины в школьное и вузовское преподавание. Покровский, уже умерший к тому времени, выбирается в качестве «врага», победа над которым должна освободить историю от схем и упрощенства, насытить ее живым содержанием и показать ее национальное единство. Казалось бы, это открывает возможности для подлинного научного творчества. Однако никто не собирался отказываться от «марксизма-ленинизма» и при этом никто, кроме Сталина, не мог взять на себя смелость объявить себя главным экспертом в этой области.

Историки оказались между двух огней. Следование «марксистским» схемам было чревато обвинением в «покровщине» или еще хуже – в «троцкизме». Живое изложение исторических фактов могло навлечь обвинение в отклонении от «марксизма-ленинизма». В такой же растерянности пребывали и эксперты. Пожалуй, наиболее безопасным путем здесь было соотнесение исторического события с высказыванием по его поводу Маркса или Ленина, а еще лучше Сталина, если таковое имелось. С возвращением истории как самостоятельной дисциплины развивается целая система научной экспертизы. В роли экспертов выступают кафедры, исследовательские институты,

диссертационные советы, ВАК и т.д. Но результаты официальной экспертизы не могли быть эффективными, поскольку никто из экспертов не имел точных критериев оценки. Именно отсутствие ясного понимания, чего от них хотят, порождало удивительное «единомыслие» среди историков. Как только из политбюро ВКП (б) исходила некая информация, содержащая критические оценки в адрес какого-либо ученого, то «научное сообщество» тут же давало единую «экспертную» оценку трудам этого ученого. Таким образом, научная экспертиза, как и сама историческая наука, стала одним из проводников государственной идеологии.

### Библиография

1. Анянич Б.В., Панях В.М., Цамуталли А.Н. Предисловие. Сергей Федорович Платонов. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы Следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993.
2. Артизов А.Н. М.Н. Покровский: Финал карьеры – успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77–96; № 2. С. 124–142.
3. Артизов А.Н. Николай Николаевич Ванэг (1899–1937) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 95–102.
4. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОСПЭН, 2001. 320 с.
5. Володьков О.П. К вопросу об отношении И.В. Сталина к концепции торгового капитализма М.Н. Покровского // Вестник Омского Государственного университета. 2012. № 2 (64). С. 294–297.
6. Гуковский А.И. Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 76–99.
7. Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. История. Эпоха феодализма. М.: Учпедгиз, 1933. 262 с.
8. Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского ун-та, 2005. 800 с.
9. Историю – в школу: Создание первых советских учебников [сб. мат.]. М.: Архив Президента РФ, 2008. 304 с.
10. Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород: Нижний Новгород, 1992 (1993). 215 с.
11. Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XIX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1965–1975. 55 т.
13. Ленин В.И. Письмо М.Н. Покровскому // Архивное дело. 1928. Вып. 4 (17). С. 73.
14. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // URL: [http://scepsis.net/library/id\\_883.html](http://scepsis.net/library/id_883.html) (Дата обращения: 14.02.2017.)
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1964. Т. 36. 806 с.
16. Милюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского. (Эпизод из истории науки в СССР) // Современные записки. 1937. Кн. 65. С. 368–387.
17. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: [Изд. 5-е, испр. и доп.] СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Ч. 1. VIII, 293 с.



## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

18. Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науки (к источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. 1990. Т. 118. С. 232–246.
19. Об учебниках по истории // Известия. 1936. 16 марта. С. 4.
20. Парсамов В.С. Журнальные рецензии как форма «классовой борьбы». М., 2017. С. 209–226.
21. Перенюк Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96–104.
22. Перенюк Ф.Ф. Академия наук «на великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 163–235.
23. Покровский М.Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1931. № 2. С. 78–89.
24. Покровский М.Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого) // Красная Новь. 1922. Кн. 3 (май-июнь). С. 144–151.
25. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Изд. 4-е. М.: Госиздат, 1922. Т. 1. 268 с.
26. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / [Соч.] М.Н. Покровского, при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М.: Мир, 1910–1912. 5 т. (изд-е вышло в 10 кн.).
27. Покровский М.Н. Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма (Нечто вроде ответа т. Троцкому) // Правда. 1922. 5 июля. С. 4.
28. Покровский М.Н. Чем был Ленин для нашей высшей школы // Правда. 1924. 27 января. С. 3.
29. Покровский М.Н. Профессор Р. Виппер о кризисе исторической истории // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 33–36.
- 29 а. Покровский М.Н. Троцкизм и «особенности исторического развития России» // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л.: «Прибой», 1925. С. 40–54.
30. Рязанов Д.Б. Очерки по истории марксизма. М.: Московский рабочий, 1923. 640 с.
31. Сахаров В.А. Политическое завещание Ленина: Реальность истории и мифы политики (Глава 1. § 2. Первый кризис НЭПа) // <http://leninism.su/books/4135-politicheskoe-zaveshhanie-lenina-realnost-istorii-i-mify-politiki.html?showall=&start=7>
32. Сергеев С., Осминский Е., Липатова О., Сухов И. [Рец. на:] История. Эпоха феодализма. А. Гукровский и О. Трахтенберг. Изд. Учпедгиза, 1933. 263 с. // Борьба классов. 1934. № 5–6 (июнь). С. 116–119.
33. Соколов В.Ю. История и политика (к вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 200 с.
34. Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 13 т.
35. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. 1936. 26 января. С. 3–4.
36. Тагер Р. Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2005. 864 с.
37. Троцкий Л.Д. 1905. М.: Госиздат, 1922. 427 с.
38. Троцкий Л.Д. Об особенностях исторического развития России. (Ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. 1 июля. С. 2.
39. Троцкий Л.Д. Об особенностях исторического развития России (Ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. 1 июля. С. 3.

40. Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М.: Изд-во «Лигт», 1992. 235 с.
41. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). М.: Ред.-изд. управ. ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «союзоргучет», 1936. 312 с.
42. Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 149–155.
43. Энтин Дж. Спор о Покровском продолжается // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 154–159.
44. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
45. Barber J. Soviet Historians in Crisis, 1928–1932. London; Basingstoke: Macmillan press, 1981. XIII, 194 p.
46. Enteen G. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M.N. Pokrovski and the Society of Historians. Pennsylvania: The Pennsylvania, 1978.

## References

- Anan'ich B.V., Panejah V.M., Camutalli A.N. Predislovie. Sergej Fedorovich Platonov. Biograficheskij ocherk // Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 1. Delo po obvineniju akademika S.F. Platonova. Saint Petersburg: BAN, 1993.
- Artizov A.N. M.N. Pokrovskij: Final kar'ery – uspeh ili porazhenie // Otechestvennaja istorija 1998. N 1. P. 77–96; N 2. P. 124–142.
- Artizov A.N. Nikolaj Nikolaevich Vanag (1899–1937) // Otechestvennaja istorija. 1992. N 6. P. 95–102.
- Barber J. Soviet Historians in Crisis, 1928–1932. London; Basingstoke: Macmillan press, 1981. XIII, 194 p.
- Bovykin V.I. Finansovyj kapital v Rossii nakanune pervoj mirovoj vojny. Moscow: RospJen, 2001. 320 p.
- Chernobaev A.A. «Professor s pikoj», ili Tri zhizni istorika M.N. Pokrovskogo. Moscow: Izd-vo «Lit», 1992. 235 p.
- Chislennost' i zarabotnaja plata rabochih i sluzhashhh v SSSR. (Itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g.). Moscow: Red.-izd. uprav. CUNHU Gosplana SSSR i v/o «sojzorguchet», 1936. 312 p.
- Dubrovskij A.M. Istorik i vlast'. Istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.). Brjansk: Izd-vo Brjanskogo un-ta, 2005. 800 p.
- Enteen G. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M.N. Pokrovski and the Society of Historians. Pennsylvania: The Pennsylvania, 1978.
- Gukovskij A.I. Kak ja stal istorikom // Istorija SSSR. 1965. N 6. P. 76–99.
- Gukovskij A.I., Trahtenberg O.V. Istorija. Jepoha feodalizma. Moscow: Uchpedgiz, 1933. 262 p.
- Istoriju – v shkolu: Sozdanie pervyh sovetskih uchebnikov [sb. mat.]. Moscow: Arhiv Prezidenta RF, 2008. 304 p.
- Jentin Dzh. Intellektual'nye predposylki utverzhdlenija stalinizma v sovetskoj istoriografii // Voprosy istorii. 1995. N 5–6. P. 149–155.
- Jentin Dzh. Spor o Pokrovskom prodolzhaetsja // Voprosy istorii. 1989. N 5. P. 154–159.

## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

- Jurganov A.L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo. Zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma. M.: RGGU, 2011. 765 p.
- Kalistratova T.I. Institut istorii FON MGU – RANION (1921–1929). N. Novgorod: Nizhnij Novgorod, 1992 (1993). 215 p.
- Krivoshchev Ju.V., Dvornichenko A.Ju. Izgnanie nauki: Rossijskaja istoriografija v 20-h – nachale 30-h godov XIX veka // Otechestvennaja istorija. 1994. N 3. P. 143–158.
- Lenin V.I. Pis'mo M.N. Pokrovskomu // Arhivnoe delo. 1928. Vyp. 4 (17). P. 73.
- Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Politizdat, 1965–1975. 55 vol.
- Marks K. Razoblachenija diplomaticheskij istorii XVIII veka // URL: [http://scepsis.net/library/id\\_883.html](http://scepsis.net/library/id_883.html) (Data obrashhenija: 14.02.2017.)
- Marks K., Jengel's F. Sochinenija: V 50 t. Izd. 2-e. Moscow: Politizdat, 1964. T. 36. 806 p.
- Miljukov P.N. Očerki po istorii russkoj kul'tury: [Izd. 5-e, ispr. i dop.] Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1904. Ch. I. VIII, 293 p.
- Miljukov P.N. Velichie i padenie M.N. Pokrovskogo (Jepizod iz istorii nauki v SSSR) // Sovremennye zapiski. 1937. Kn. 65. P. 368–387.
- Nechkina M.V. Vopros o M.N. Pokrovskom v postanovlenijah partii i pravitel'stva 1934–1938 gg. o prepodavanii istorii i istoricheskoi nauki (k istochnikovedcheskoj storone temy) // Istoricheskie zapiski. 1990. Vol. 118. P. 232–246.
- Ob uchebnikah po istorii // Izvestija 1936. 16 marta. P. 4.
- Parsamov V.S. Zhurnal'nye recenzii kak forma «klassovoj bor'by». Moscow, 2017. P. 209–226.
- Perchenok F.F. «Delo Akademii nauk» // Priroda. 1991. N 4. P. 96–104.
- Perchenok F.F. Akademija nauk «na velikom perelome» // Zven'ja: Istoricheskij al'manah. 1991. Vyp. 1. P. 163–235.
- Pokrovskij M.N. Chem byl Lenin dlja nashej vysshej shkoly // Pravda. 1924. 27 janvarja. P. 3.
- Pokrovskij M.N. O russkom feodalizme, proishozhdenii i haraktere absoljutizma v Rossii // Bor'ba klassov. 1931. N 2. P. 78–89.
- Pokrovskij M.N. Pravda li, chto v Rossii absoljutizm «sushhestvoval naperekor obshestvennomu razvitiu»? (Po povodu vstupitel'noj glavy poslednej knigi tov. Trockogo) // Krasnaja Nov'. 1922. Kn. 3 (maj-ijun'). P. 144–151.
- Pokrovskij M.N. Professor R. Vipper o krizise istoricheskoi istorii // Pod znamenem marksizma. 1922. N 3. P. 33–36.
- Pokrovskij M.N. Russkaja istorija s drevnejshih vremen / [Soch.] M.N. Pokrovskogo, pri uchastii N.M. Nikol'skogo i V.N. Storozheva. M.: Mir, 1910–1912. 5 t. (izd-e vyshlo v 10 kn.).
- Pokrovskij M.N. Russkaja istorija s drevnejshih vremen. Izd. 4-e. M.: Gostizdat, 1922. T. 1. 268 s.
- Pokrovskij M.N. Svoeobrazie russkogo istoricheskogo processa i pervaja bukva marksizma (Nechto v rode otveta t. Trockomu) // Pravda. 1922. 5 ijulja. S. 4.
- Pokrovskij M.N. Trockizm i «osobnosti istoricheskogo razvitiya Rossii» // Pokrovskij M.N. Marksizm i osobnosti istoricheskogo razvitiya Rossii. L.: «Priboj», 1925. S. 40–54.
- Rjazanov D.B. Očerki po istorii marksizma. M.: Moskovskij rabochij, 1923. 640 s.
- Saharov V.A. Politicheskoe zaveshhanie Lenina: Real'nost' istorii i mify politiki (Glava 1. § 2. PERVYJ KRIZIS NJePa) // <http://leninism.su/books/4135-politicheskoe-zaveshhanie-lenina-realnost-istorii-i-mify-politiki.html?showall=&start=7>
- Sergeev S., Kosminskij E., Lipatova O., Suhov I. [Rec. na:] Istorija. Jepoha feodalizma. A. Gukovskij i O. Trahtenberg. Izd. Uchpedgiza, 1933, 263 s. // Bor'ba klassov. 1934. N 5–6 (ijun'). S. 116–119.
- Sokolov V.Ju. Istorija i politika (k voprosu o sodержanii i haraktere diskussij sovetских istorikov 1920-h – nachala 1930-h gg.) Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. 200 s.

- Stalin I.V. Sochinenija: V 13 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury, 1952.  
13 t.
- Stalin I.V., Zhdanov A.A., Kirov S.M. Zamečanija po povodu konspekta učebnika po istorii SSSR // Pravda. 1936. 26 janvarja. S. 3–4.
- Tager R. Stalin. Istorija i ličnost'. M.: Ves' mir, 2005. 864 s.
- Trockij L.D. 1905. M.: Gosizdat, 1922. 427 s.
- Trockij L.D. Ob osobennostjah istoričeskogo razvitija Rossii (Otvēt t. M.N. Pokrovskomu) // Pravda. 1922. 1 ijulja. S. 2.
- Trockij L.D. Ob osobennostjah istoričeskogo razvitija Rossii (Otvēt t. M.N. Pokrovskomu) // Pravda. 1922. 1 ijulja. S. 3.
- Volod'kov O.P. K voprosu ob otnošenii I.V. Stalina k koncepcii torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo // Vestnik Omskogo Gosuniversiteta. 2012. N 2 (64). S. 294–297.